

СЕРГЕЙ НОСОВ

ДАЙТЕ
МНЕ
ОБЕЗЬЯНУ

ЭЛЕКТОРАТ,
ЭЛЕКТРИЗУЙСЯ!

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Сергей Носов
Дайте мне обезьяну

«Издательство К.Тублина»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Носов С. А.

Дайте мне обезьяну / С. А. Носов — «Издательство К.Тублина»,
2018

ISBN 978-5-8370-0848-1

Это не учебник жизни. И не памфлет, разоблачающий «грязные» предвыборные политтехнологии. И не пособие по одурачиванию себе подобных. Эта книга куда познавательнее, полезнее, остроумнее и, пожалуй, опаснее и того, и другого, и третьего. Поэтому каждого, кто собрался её купить, следует предостеречь: «Осторожно! Вас вооружают знанием, обладание которым может представлять угрозу!» В первую очередь – для вас самих. В книгу добавлено приложение, проливающее дополнительный свет как на личность самого автора, так и на фигуры некоторых персонажей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0848-1

© Носов С. А., 2018
© Издательство К.Тублина, 2018

Содержание

Вместо вступления – страшный сон	6
Глава первая	8
1	8
2	11
3	13
4	16
5	18
Глава вторая	21
1	21
3	23
4	25
5	28
Глава третья	30
1	30
2	32
3	33
4	35
5	36
6	38
7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Анатольевич Носов

Дайте мне обезьяну

Геннадию Анатольевичу Григорьеву

*за добровольное согласие на правах персонажа войти в роман
выражает свою признательность благодарный автор*

Вместо вступления – страшный сон

-
- ожно, осторожно, доктор! Не так сильно, пожалуйста!
 - Вижу, вижу, он там.
 - Доктор, больно!.. Он шевелится, ой!
 - Щас, мы его щас...
 - Ой! Чем вы там ковыряете?
 - Ничего, ничего... Думайте о постороннем. Отвлечитесь, вы мне мешаете. О хорошем думайте. О цветах, о весне... Вот...
 - Ой.
 - Вот пойдете на это... как там его... на это самое?...
 - На что, доктор? На что?
 - Будто сами не знаете... Голос отдать... У вас есть голос?... Голос единственный...
 - Доктор. Ой.
 - За якобинцев проголосуете, да?
 - Ой.
 - Нет? За меньшевиков?
 - Ой, доктор, больно!
 - За кого? За кого?... Неужели за Трупоедова?
 - Доктор, смилуйтесь!
 - Глубоко залез. Глубоко... Перепоночка, видите ли, барабанная, она защищает среднее ухо... от пыли... и от охлаждения... Вы мне мешаете.
 - Ой, доктор.
 - Голову на плечо! Спокойно. Ну, так что же, вы говорите, была колбаса, значит, дешевая... да?
 - Нет!
 - Была, была...
 - Я не говорил. Нет.
 - А что тут говорить... Что правда, то правда... Была колбаса дешевая... докторская. Давно это было, давно. Колбаса была, а демократии не было!
 - Не так сильно, доктор! Пожалуйста!
 - Вытащим, вытащим! Не волнуйтесь. Нет ничего непоправимого... Только головой дергать не надо! И не такое вытаскивали!
 - Я на кухне сидел... вечером... У меня телевизор на кухне. И уснул!.. А он влез!.. В голову!..
 - Кто же спит на кухне, голубчик? На кухне не спят.
 - Та-ра-кашечка...
 - Паучок...
 - Паучок? Вы уверены, что паучок?
 - Я же вижу... Хотя как посмотреть... Может быть, таракашечка...
 - Если б знали вы, как он скрежещет!..
 - Спит на кухне, ха-ха. А возьмем, к примеру, Поджелудкина... Вот голова!.. Не дергайте головой! Вам нравится Поджелудкин?
 - Поджелудкин... который?
 - Ну, с лицом таким, знаете, интеллигентным...
 - Очень нравится... Но...

– А... забыл фамилию... Помните, стриженный?... Который еще фонтан обещал... Чтоб на каждой площади по фонтану!..

– Очень нравится, доктор, ой!

– Вижу, вижу... Залез глубоко. Вы говорите, говорите, рассказывайте... Вспоминайте хорошее. Про цветы.

– Я... я...

– Лапку! Лапку ему оторвал! Смотрите, какая!.. Простите, что перебил.

– Фу... противная!.. Ой.

– Ну так что вы мне говорили?

– Я... я когда еще Брежнев был, помните, Брежнев был?... я тогда в командировку улетал, в Новосибирск...

– О, как это было давно...

– В день голосования, знаете... На самолете...

– Извините, что перебую. Вам бы за блок коммунального хозяйства, или как их там...

Всех тараканов бы перевели...

– Доктор, больно!

– Ну, так что же при Брежневе?

– Утром рано иду... на самолет... а тут... ой... участок избирательный...

– Так, так, интересно...

– Дай, думаю, зайду... все равно по дороге... Зашел. Как раз к открытию... Первым оказался. Еще никого не было...

– Видите! Сколько впечатлений!

– Доктор, они мне цветы вручили – за то, что первым пришел! Представляете? Ой!

– Должно получиться. Сейчас получится.

– Они мне цветы, а я его – вычеркнул! Зашел в кабинку и вычеркнул! Подгорного! Николая Викторовича!

– Вы, что же, диссидентом были?

– Почти!

– Тогда вам надо за этого, забыл фамилию...

– Ой!

– А таракашек боитесь... Голову на плечо!

– Доктор, ой.

– Значит так. Случай непростой, но отступить некуда. Вот что, милейший. Как вы, голубчик, посмотрите, если мы капнем туда немножко яду?

– Яду? В мое ухо?

– Для вас это не опасно.

– Нет, нет!

– Уверю вас, вы даже не почувствуете. А тот... тот сразу загнется!

– Я отказываюсь! Я не позволю над собой экспериментировать!

– Ладно, ладно. Дело хозяйское. Только знайте, голубчик, вы, батенька, трус. Мое личное мнение.

– Испугаешься... если в ухо залезет...

– В ухо! Главное, чтобы в мозг не залез! В мозг!

Глава первая

1

Рот у Тетюрина был открыт.

Тетюрин открыл глаза.

Позже, по злостной литераторской привычке, он попытается поместить свое тогдашнее пробуждение в контекст аж мировой литературы – нет, все равно главным образом нашей, родной, свое-странной... Когда мозг свинца тяжелее, и рота солдат во рту ночевала, и на носу капелька пота, кто, как не наш правдолюб-сочинитель, изобразит лучше?

Знакомо до отвращения. Примеров так много, особенно приключенческих, что только с одними перемещениями в другие города хватило бы на антологию. Плюс анекдоты из жизни, ни на бумаге, ни на экране не воплощенные: костромич, допустим, обнаруживает себя в Хабаровске, красноярец – на станции Таловая Воронежской области, а человек (по причине отсутствия паспорта) без гражданства-прописки – в холодной воде, переплывающим Волгу (уже без причины). Не на одной Москве свет клином сошелся. Сакральная география российского похмелья – это вам не план эвакуации при пожаре, что висит на входе в человеко-приемник в любом столичном мед. вытрезвителе. Но тяжело, тяжело...

И все ж Тетюрину сподручней было бы пользоваться другой, как сказал бы Борис Валерьянович Кукин, парадигмой. – Жизненный опыт самодостаточен, и здесь обнаруживается тенденция.

Вот такой эпизод. Из запасников памяти. Просыпается черт знает где, в год еще, кажется, преддипломной практики, молодой, красивый, двадцатидвухлетний, и бредет, студент, ища туалет, по чужой квартире, шатаемый от стены к стене, а вокруг – фиалки, фиалки, фиалки в горшочках... Ужас овладевает героем. Наконец замечает в книжном шкафу за стеклом знакомую рожу одnogруппника на фоне каких-то заснеженных гор. Выяснилось, что стойкий товарищ привез Тетюрина к своей теще-цветочнице, а та ушла на прием к стоматологу.

Или, например, как проснулся ночью в медицинском издательстве, для которого переписывал чью-то брошюру о лямблиях, и, конечно, не мог вспомнить, с кем пил и как здесь (здесь – это где?) очутился. И надумал на волю рвануть, не будучи протрезвившим, – и рванул – перепутал в темноте стеклянную дверь с зеркалом, ломанулся туда, в зазеркалье, а увидев свирепого двойника, выбил зуб – не ему – себе. Как такое возможно?

Особо памятно, как ослеп – ненадолго, минут на восемь – был казус по юности... Белый овал унитаза, над которым смиренно склонился, вдруг взялся тускнеть. Тускнел, тускнел и пропал, стало страшно темно. Мрак. Тетюрин сел на пол и позвал, как маленький: «Люди!.. а люди!..» – тут все и вспомнил – и где (на вокзале), и с кем (с Лялькиным братом), и по какому поводу (по поводу вынужденной остановки). Отрезвел мигом. Брат Лялькин, или Максим, прибежал в уборную, тряс его за плечо, дергал зачем-то за волосы и говорил не переставая – не то «Вить! Вить!», не то «Видь! Видь!», сейчас уже никто не разберется; в любом случае Виктор Тетюрин увидел сначала металлическую трубочку на кончике шнурка, а потом выщербинку в полу, а потом уже все остальное... А потом им объяснили, что в этих краях по ту пору пиво разбавляли водой, а для пенности добавляли немного шампуня, а для крепости – два пшика карбофоса на кружку.

Ну еще три-четыре истории – вот вам и ряд.

Тетюрин себя не считал алкоголиком, да и действительно не был таковым. Только особо продвинутые теоретики вопроса отнесли бы его к роду каких-нибудь алкоголиков – социальных там или ситуационных, а многие знакомые вообще находили непьющим.

Пил когда пил – иногда круто, но всегда редко. То есть чаще не пил.

Что было оригинального в его возвращениях к жизни – всегдашнее изумление, а то и недоумение даже – простодушная мысль вроде: «Неужели нажрался?»

Потом он обычно вспоминал – чем.

Далее – с кем, где и так далее.

Последний раз в этот раз – по-видимому, текилой. Пустая бутылка, вопреки обычаю, стоит на столе. А сам Тетюрин – в одежде, в ботинках – лежит на диване, явно казенном, и максимум что умеет сейчас – приподняться на локте...

Натюрморт с рассыпанной солью и красными то там, то сям по столу размазанными вдобавок ко всему икринками... – к горлу тошнота подступила. Он повел головой страдальчески. – Он – в гостинице. – В номере. – Несомненно.

Уронил голову на диван, благодатная легкость волной пробежала по телу.

Горит лампочка в люстре. Солнцу не конкурент. Если долго смотреть, люстра как будто растет снизу, из пола, а ты – к потолку прилип.

И в баре ведь тоже пили текилу. Был бар.

А в самолете полировал пивом прежде выпитую водку... Был самолет!..

Внезапно прекратилось то, что до этого момента Тетюрин принимал за шум в ушах: это в ванной выключили душ. Тут кто-то есть.

Тетюрин напрягся.

(А вот еще традиция: просыпаться не в своей постели... Пусть он и лежал сейчас на диване, но постель была рядом – тревожно чужая, неубранная...)

Тетюрин ждал, кто выйдет из ванной.

Вышел мужик в желтых трусах. В мужике Тетюрин узнал Филимонова. Нахлынули воспоминания.

– Ну, – сказал Филимонов, – живой?

Тетюрин ответил выразительным взглядом.

– Мы вчера с тобой не буянили, нет? – спросил Филимонов. – Не помнишь? Кажется, мирно все обошлось?

Тетюрину ничего не казалось.

– Понятно, – сказал Филимонов и открыл дверцу мини-бара.

С минуту он стоял неподвижно и глядел в мини-бар задумчиво. Наконец произнес без пафоса:

– To take a hair... of the dog... that bit you, – счастливый, что вспомнил, Филимонов хихикнул. – Или, в переводе на наш: опохмелиться! Чего изволите? «Реми Мартин», «Кампари», джин?

– Рома, я пас, – промолвил Тетюрин с трудом.

– А я обязательно.

Филимонов выбрал себе шнапс, отвернул пробку с пятидесятиграммовой бутылочки и влил содержимое в рот.

– Сухой закон! – подвел черту Филимонов.

Знал бы он, с какой завистью думает сейчас Тетюрин о его килограммах – об огромном филимоновском животе – обо всем, что в натуре, буквально в натуре, составляет вес Филимонова, массу. Еще бы такому не пить. Пей и усваивай. Сел на кровать, нажимает на кнопки:

– Отключают, уроды!

Попал.

– Колян! Спишь?... А кто вкалывать будет?... Слушай, мы вчера нахерячились?... Нет?... Конкретно! – он покачивался на кровати. – А еще кто?... А еще?... Валерьяныча не было?... Ну хорошо... Не говори... Хорошо. Нет, проснулся... Тебе привет, – сказал Тетюрину.

– От кого?

– От Жоржа и Коляна.

«От Жоржа Иколяна» послышалось Тетюрину. Иностранец, наверное. Какая разница.

– Важный разговор, – Филимонов опять набирал номер; теперь он ходил по комнате. – Добрый день, да, Филимонов! – В ночь на сегодня! – Да! – Да! – А как же? – Нет. – Первый, второй и четвертый. – Десятый после восьмого. – Зашлем пресс-релиз, какие проблемы? – Да. – Да. – Да.

Их общий Учитель завещал им когда-то не описывать пьянок, но еще строже – похмелья. У Тетюрина в романе никто не пил, никто не опохмелялся. Да ведь и романа еще нет никакого. И неизвестно, будет ли.

– Потому что козел, я ему так и сказал! – Сам виноват! – Я же просил его без импровизаций! – Да. – Да. – Я понял. – Тут еще такая тингумбодина...

Боже, есть ведь слова, как дубинкой по темечку!..

– ...тингумбодина, – повторил Филимонов, – я на место Митрохина человека привез. – Да! – Нет! – Профессионал! – Да! – Лучше! – Да. – («Обо мне», – догадался Тетюрин.) – Ну не надо меня обижать, если я ручаюсь, я знаю. – Акклиматизируется. – Да. – Нет, еще не устроил. Он у меня в номере. – Да. – Хорошо. – Понимаю. – ОК.

Филимонов надел белую рубашку, надел красный галстук, символ успеха, достал из шкафа синий костюм с отливом.

– В конце дня подпишешь договор. Приедет денежный мешок. Ты разве не взял вещей никаких?

Тетюрин пожал плечами или, лучше сказать, поежился.

Взгляд Филимонова застыл на тетюринских брюках. Подумав, сказал Филимонов:

– Ничего, сойдет.

– Рома, скажи, как называется город?

От радости Филимонов захлопал себя по ляжкам – что-то было в том напускное.

– Не скажу. Не скажу.

– Почему?

– Просто так. Не скажу и все.

– Мы в Сибири?

– Не скажу, – дразнил Филимонов.

Тетюрин встал.

Тетюрин встал!..

Он встал и подошел к окну!

Вот туда и метнуть вчерашние харчи – от одной мысли его пошатнуло.

Двор. Во дворе дерево и еще одно дерево. Два. Оба лиственные. Не кедр, не пихта. Но и не пальма. Береза и тополь.

Почувствовав потребность лечь, Тетюрин поспешил обратно.

– Я приду часа через три, – сказал Филимонов ласковым голосом, – выпись, пожалуйста. Дадим тебе номер отдельный. Получишь подъемные. Без меня не вылезай. Спи.

Вышел и тут же вернулся.

– Там внизу проститутки. Этих нельзя.

– Почему? – спросил Тетюрин, который меньше всего хотел сейчас думать о проститутках.

– Шпионаж, – сказал Филимонов. И выключил свет.

2

А начиналось все вчера даже очень пристойно.

Петербург. Встреча на улице. Сколько лет, сколько зим! Ресторан «1913 год». У Филимонова доллары в бумажник не помещаются. Он два дня здесь – такая командировка.

Благожелателен:

– Я встречал твои штуки в «Новом курьере». Сносно вполне.

– Надо же, кто-то читает «Новый курьер»!

– Я все газеты читаю. – Филимонов распорядился графинчиком. – Про кота Базилио ты хорошо написал. И еще это... классификация чего там... усов?... Реальный фельетон.

– Эссе, – поправил Тетюрин.

– Ну, за встречу, «эссе»!

Они выпили. Выпив, закусили.

– И на кого ты работаешь? – поинтересовался Филимонов.

– Это как на кого?

– Ну на кого-то работаешь?

– Ни на кого не работаю.

– Не хочешь говорить?

– Я даже не понимаю, о чем спрашиваешь. На кого я могу работать?

– Что же, ты так сам и пишешь, без руководящей линии? Хочу это, хочу то, хочу тещу без пальто?

Тетюрин склонил голову набок. Его взгляд выражал удивление.

Еще больше Филимонов удивлялся:

– И про министра финансов, душечку, взял вот так сам и написал? Без всяких наводок?

Так что ли, да?

– А какие могут наводки быть? – спросил Тетюрин.

– Нет, подожди. С какой вдруг стати ты стал мочить министра финансов?

– Мочить? Да я сама корректность.

– Но почему министра финансов? Что вот так сидел-сидел, и вдруг мысль пришла: а напишу-ка я про министра финансов?

– Ага, – сказал Тетюрин.

– Никогда не поверю, – не поверил Филимонов. – Впрочем, твое дело, не говори.

Он налил еще по одной.

– Просто мне не нравятся наши финансы... – начал было Тетюрин.

– Хер с ними, молчи...

– Просто мне показалось, он действительно похож на кота Базилио...

– Похож и похож.

– Вот я и развил тему...

– Ваши успехи.

Опрокинули.

Некоторое время сидели молча. Тетюрин ел антрекот. Филимонов больше, чем ел, смотрел на Тетюрина: Тетюрин ел антрекот.

Филимонов спросил:

– Значит, говоришь, тебя не захомутали?

– Абсолютно не захомутали, – сказал Тетюрин, жуя.

– И много ли ты зарабатываешь своей писаниной?

– Абсолютно не зарабатываю.

– А зачем пишешь?

Тетюрин плечами пожал.

– Понимаю, – сказал Филимонов тоном, означавшим обратное.

Помолчав, он полюбопытствовал:

– Ну а если я тебе предложу неплохую халтурку, денежную, разумеется... возьмешься?

– Если денежную, обязательно.

– Я тебе сейчас сделаю предложение. Если нет – разговора не было.

– Да почему же нет? Если денежная – да. Я согласен.

– Нет, ты не торопись, ты подумай, взвесь. Ответь мне. Что ты скажешь, если я тебе предложу поработать на Косолапова?

– А кто такой Косолапый?

– Косолапов, а не Косолапый... Не на Косола-по-го, а на Косолапо-ва!.. Ты что, не знаешь, кто такой Косолапов?

Не знает.

Филимонов присвистнул.

– Да ты, дружок, не просто дилетант, да ты просто невежда!.. А еще о политике пишешь...

– А мне безразлично, о чем писать, – ответил Тетюрин, не теряя достоинства. – Могу и о погоде, и о турникетах в метро...

– Значит, так. Мы сейчас разминаемся кое-где. У нас там элекции...

– Эрекции?

Филимонов усмехнулся, скривив лицо, мол, старая и глупая шутка, но – оценил. Он и допустить не мог, что Тетюрин не понимает, о чем идет речь.

– Я в команде Косолапова четвертый год работаю. Я всем занимаюсь. Через меня – все! Правая рука, если хочешь. У нас текстовик треснул, инфаркт миокарда, есть место в строю. Пойдешь?

Разговор продолжили в другом кабаке, на Литейном; потом отмечались в Доме, кажется, Дружбы; потом заехали в кондитерский на Невском, где Филимонов купил конфет «Руслан и Людмила» два десятка коробок, их, коробки, Тетюрин таскал на себе, потому что был без вещей, а Филимонов – с вещами. В аэропорту Тетюрину (если ему не приснилось) сделали замечание: жеваный паспорт. Жеваный не жеваный, а все ж при себе. Основной вес брали уже в самолете. И после.

3

Было около шести, а Филимонова все не было.

Тетюрин ожил вполне и даже проголодался.

Он выпался наконец. Отсыпался Тетюрин тяжело и урывками – безоглядно провалился в глубокую яму на минут этак 20–40, пока ему не кричали в ухо: «Тетюрин!» Он открыл глаза, понимал, что некому кричать ему в ухо, и вспоминал что-нибудь о себе новое... А потом опять опрокидывался туда, откуда его только что выдернули.

Тетюрин принял душ, и с этой минуты он всецело стал принадлежать действительности.

Живой, проголодавшийся, он собирал по карманам, что было, – и чем больше он находил, тем яснее осознавал свою зависимость от Филимонова. Ни много ни мало 8 рублей нашел Тетюрин, – мечта о бутерброде захватила его, – он решился отправиться в бар.

О ключах Тетюрин, естественно, не подумал и, когда вышел в коридор, захлопнул, естественно, дверь за собой. Он дернул ручку два раза и, обматерив замок, зашагал по безлюдному коридору. – Не настолько безлюдному, чтобы в конце коридора не сидел секьюрити. А сидел он, исполненный скуки, в глубоком велюровом кресле. Тетюрин был остановлен:

– Вы кто?

– Я туда, – Тетюрин показал на лифт.

– Я не спрашиваю куда, я спрашиваю: кто!

– Да я оттуда, – неопределенно показал Тетюрин рукой в обратную сторону.

– Откуда оттуда? Вас там не было!

– Это как? – изумился Тетюрин. – Я там был.

– В штабе не было. Я не видел.

Тетюрину бы сказать, из какого он номера, но какой номер того номера, вспомнил, что забыл посмотреть.

– Я выхожу, а не вхожу, – сказал Тетюрин угрюмо.

– Не важно, – ответил охранник (развалясь и раскинув руки, он повторял форму кресла с видом индивида, всего навидевшегося). – Вы, может, в окно влезли, откуда я знаю. Я не видел, как вы вошли.

«Придурок», – подумал Тетюрин.

– Фамилия Филимонов говорит что-нибудь? Я из номера Филимонова!

Эффект получился обратный ожидаемому: охранник встал на ноги, сделал два шага в сторону и на случай возможного бегства Тетюрина перегородил ему путь к пожарной лестнице, явно показывая, что номер с Филимоновым не пройдет.

– В чем дело?

– Минутку!

Тетюрин вспомнил другого. Вчера дежурил другой. С вчерашним Тетюрин даже пытался общаться, когда шли с Филимоновым. За жизнь – общались они – взаимоблагожелательно. Ну конечно, другой. Теперь он даже припоминал пшеничные усы вчерашнего. Этот был без усов, скуластый, с раздвоенным подбородком. Он соображал, что делать с Тетюриным.

Неизвестно, чем бы закончилось их противостояние, если бы из лифта не появились двое, оба в шелковых пиджаках и разноцветных галстуках.

Лица обоих показались Тетюрину полужнакомыми, а следовательно, одно на двоих, пускай и условное, можно было бы несомненно признать всецело знакомым лицом ($0,5 + 0,5 = 1$), достаточно лишь обратить к нему столь же условный сдвоенный взгляд. Что и сделал Тетюрин – условно – он обратил. Обобщенный образ вчерашних сотрапезников возник в тетюринской памяти.

– А! – воскликнул Тетюрин, узнав.

– О! – сказал Жорж (чье имя тут же вспомнил Тетюрин).

– Ха! – сказал Николай (он же Колян... Ах, Тетюрин, Тетюрин!..)

Они обменялись рукопожатиями. Тетюрин пожаловался:

– Вот, не пускают!

– Говорит, от Филимонова, – произнес охранник уже без прежней суровости, – а Филимонов еще утром ушел. Откуда я знаю, кто он такой! Я не видел, как он входил!

– Наш, – сказал Жорж.

– Да, мы с ним... вчера... там... – сказал Николай. – Ведь это был ты?

– Я, – Тетюрин сказал.

– Как дела? – спросил Жорж неуверенно.

– Ничего, – уверенно Тетюрин ответил.

– Вот, – сказал Николай.

– А чего же он тогда тут выпичуживается? – возмутился охранник.

– А нельзя ли повежливей? – возмутился Тетюрин.

– Ладно, ладно, идем, – вдвоем они его повели по коридору. Когда оглянулся, увидел охранника снова сидящим. Сейчас опять заскучает.

По опыту Тетюрин знал, что труднее всего изображать в прозе всякого рода перемещения и телодвижения. Ради бытовой убедительности, но часто вопреки художественности в целом героям приходится постоянно переходить с места на место, они должны своевременно появляться откуда-нибудь и своевременно удаляться куда-нибудь, садиться или ложиться, вставать, или вскакивать, или даже выскакать (в частности, из-за стола), передвигать, например, стулья, совершать манипуляции с другими предметами: трогать, двигать, таскать; они должны шевелиться целиком, всем туловом или хотя бы шевелить конечностями; они обязаны постоянно и, главное, ненавязчиво фиксировать свое местоположение в пространстве относительно, допустим, стен, то, допустим, на них облокачиваясь, то хотя бы на них поглядывая, то еще как-то, а также относительно столов и шкафов и, что особенно важно, дверей и окон, без которых обойтись никак не возможно, потому что надо входить, выходить, высовываться, всовываться, отдергивать или задергивать занавески и пр., – а также относительно себе подобных героев. Все они обречены по возможности достоверно преодолевать досадные, малозначащие расстояния, думать о которых пишущему невыносимо невесело, но приходится думать. Какого лешего, думал Тетюрин, меня ведут в обратную сторону?

– Я же помню, ты же этот, – сказал Жорж, – ж-ж-журналист?

– Сочинитель, – Тетюрин сказал.

– Все журналисты сочинители, – заметил Николай философично.

– Сочинитель в смысле литератор, – сказал Тетюрин. Он хотел добавить: «прозаик», но на ум пришел анекдот («про каких заек?»), и он промолчал.

– Пришли, – сказал Жорж.

В № 420 разместился штаб. На столах стояли работающие компьютеры. За одним сидела девушка по имени Рита, за другим – Борис Валерьянович Кукин. Их Тетюрин точно видел впервые.

Взявшийся рекомендовать «нашего человека» («если не знаете»...) Жорж именовал Тетюрина решительно Валентином, тогда как тот оставался, несомненно, Виктором, а отчество Александрович странным образом само угадалось, – в общем, с горем пополам познакомились.

– Вы сегодня приехали? – осведомился Борис Валерьянович, не отрывая взгляда от дисплея.

– Нет, вчера.

– Я вас не видел, – чем очень напомнил охранника.

– Я был у Филимонова, – сказал Тетюрин, – в номере.

– Скоро придет, – провещал Жорж, посмотрев на часы.

- Если кофе хотите, – сказала Рита, – чайник горячий. Чашки в шкафу.
- Готовы ли вы к штурму, господа? – спросил Борис Валерьянович.
- А как же. – Придет и начнем, – сказали Жорж и Николай соответственно.
- А вы? – спросил Кукин Тетюрина.
- К мозговому, – уточнил Николай.
- Я... конечно, – Тетюрин сказал.
- Кстати, пряники есть! – воскликнула Рита.
- Пойду переоденусь, – Николай вышел.
- Я тоже пойду переоденусь, – объявил Жорж, выходя.

Уйти переодеться Тетюрин при всем желании не мог, потому что, во-первых, не во что было, а во-вторых, номер Филимонова был закрыт. Виктор Тетюрин никуда не ушел. Он пил растворимый кофе (стало быть, уже растворенный) из толстостенной керамической чашечки. Рита стучала (если можно стучать бесшумно) по клавишам. Кукин смотрел на дисплей.

Сидеть дураком было не очень ловко. Тетюрин откусил от пряника. Пряник назывался «Праздничный»; круглый и толстый, он был порезан на сектора, Тетюрин прочитал на коробке: «АОЗО “Агат”, г. Первомайск». Если пряник выпущен в Первомайске, можно ли считать Первомайском город, в котором Тетюрин ест пряник? Наверяд ли. – Скорее Первоапрельск, подумал Тетюрин.

– Я преподаю на кафедре конфликтологии Университета социальных проблем, – неожиданно обратился к Тетюрину Борис Валерьянович. – У меня много учеников. Я читаю курс «Организация корпоративных коммуникаций в условиях саморазрешающихся конфликтов». Я член Гильдии «Садовое кольцо» и консультант ряда компаний по вопросам управления возможностями. А вы правда писатель?

- В общем, да, – сказал Тетюрин.
- Очень хорошо. Вербальные методы наше слабое место. – И замолчал.

Тетюрин ждал пояснений. Напрасно.

– Как я понял, я буду заниматься листовками? – осторожно произнес Тетюрин с вопрошительной интонацией.

– На данном этапе мы корректируем базовые документы в соответствии с уровнем социальной депрессивности местных электоральных групп.

Больше они не произнесли ни слова. Пока наконец не пришел Филимонов.

4

День у Филимонова был нелегкий. Четыре важные встречи и все конфиденциальные. Кем он только не был сегодня. Был он сегодня утесом-скалой, неприступной крепостью, был ужом на горячей сковородке, был вертушкой на ржавом гвозде, был неподвижной рыночной гирей с фальшивым завышенным весом и с резиновой клизмой таксомоторным рожком. Он угрожал, блефовал, обещал, заискивал, требовал, советовал, отмалчивался, врал. Он диктовал условия. Он принимал условия. Деловито хмурился, с чувством произносил «без проблем», показательно громко смеялся. Делал вид, что не понимает каких-то простых вещей или, напротив, – что понимает все. Угрожающе улыбался. Доставал то пейджер, то органайзер. Филимонову не было в кайф лицедействовать, чердак у него потрескивал по-человечески резко, человеческий мерзкий род Филимонову был неприятен сегодня до отвращения; сам он себя воспринимал инопланетным пришельцем... Когда представитель так называемого союзника позволял себе в разговоре слово *гарантии*, Филимонову хотелось незамедлительно залепить ему в ухо. Он с удовольствием придушил бы сегодня, если бы умел и если бы позволили, почтенного редактора вечерней газеты – просто так, ни за что, за неприятную манеру близоруко щуриться и напоминать о тарифах и сметах. Филимонов сожалел, что колкое слово *компромисс*, заостренное с одной стороны, а с другой, как ему виделось, расщепленное кисточкой, не может костью застрять поперек горла потенциального конкурента, чье опухшее лицо напоминало Филимонову о его собственной вчерашней попойке. Филимонов не был хорошим дипломатом, так же как не был никто из его собеседников; зная настоящую цену себе и своим предложениям, каждый пытался обсчитать партнера на двадцать копеек, не столько, понятно, для дела, сколько непонятно для чего – наверное, для пробы – в перспективе грядущих великих торгов.

Хорошим дипломатом слыл Косолапов. Но Косолапова «не было» в городе, хотя знали, что «был». Он был и слыл, но был как бы инкогнито, а слыл как бы заочно.

В половине шестого Филимонов позвонил по секретному телефону – следовало отчитаться. Патрон отключил трубку: любовь, рыбалка, лес, медитация, чтение книг – все что угодно – гимнастика, сон, рукоделие; в любом случае, отключив телефон, Косолапов заранее одобрял филимоновские поступки. Больше сегодня Филимонов не будет звонить.

За три недели пребывания в этих краях он обзавелся кое-какими связями. О конспиративной квартире Филимонова не догадывался никто.

Филимонов повернул машину на Береговую улицу.

Ел борщ. Ольга налила ему рюмку, села напротив.

– Я за рулем.

– Ой, тогда уберу...

– Ладно. Одну можно. А ты?

– Не-а...

– Как знаешь. Ну, ваше здоровье...

Борщ был дьявольски вкусный.

Вчерашний.

Она ждала вчера еще Филимонова. Завтра тоже был бы хорош, позавчерашний. А если не завтра, тогда бы Филимонов не пришел никогда.

– Как Ленинград? (Ольга называла Петербург по старинке.)

– Холодно, – сказал Филимонов, – сыро, дожди.

Она работала в городской библиотеке, поэтому дни визитов Филимонов называл библиотечными.

– Вашего Богатырева не знает никто, – Ольга сказала.

- А ты спрашивала?
- А как же... Мы на работе всех обсуждаем. Вот Несоеву знают, Каркара знают...
- Несоева – наша. Каркар – не наш. И что говорят про Каркара?
- Бандит, говорят.
- Правильно, – сказал Филимонов.
- А Богатырева никто не знает.
- Это и хорошо, он человек новый, он тем и ценен.
- А еще чем ценен?
- Больше ничем.
- Совсем ничем?
- Глуповат, – сказал Филимонов, – косноязычен. И внешность у него неважная. Объектив увидит – глаза тарашит.
- Идиот, что ли?
- Да почему идиот? Просто тусклая личность и все... С нулевой репутацией... Только ты никому не рассказывай... Между нами, лады?... – Он облизал ложку, улыбнулся. – Чем же тебе не нравятся идиоты? Я и с клиническими работал идиотами, и ничего, как миленьких избирали.
- Неужели получше найти некого?
- Ну, это не ко мне вопрос.
- Филимонов достал трубку, позвонил в штаб. Все на месте и ждут одного Филимонова. – Я скоро, – сказал Филимонов. В штабе интересовались: не у Косолапова ли он? – Филимонов сказал: – Нет. – Терпеть не может праздных вопросов. Вот и художник пришел, ждет. – Правильно ждет, – сказал Филимонов. – И еще этот, новенький. – Черт! – о Тетюрине он забыл совершенно. – Оформляйте – да, одноместный – а где его паспорт? – закрыт? – у меня? – кто сказал, у меня? – а без меня вы хоть что-нибудь мо?... Разберемся, – сказал Филимонов.
- «Встал из-за стола», – написал бы Тетюрин. (А Филимонов бы вычеркнул.)
- Уже?
- Поцеловал.
- Ты надолго? – Оля спросила в дверях. – Ты вернешься? Я жду.
- У меня будет штурм мозговой.
- Смотри не трахнись мозгами.

5

– ...Теперь о клиенте под номером два... – сказал Филимонов. – Персона для нас новая, фигура неразработанная, по-своему интересная. Во всяком случае, Косолапов просил меня быть сдержанным...

– А разве он не придет?

– Борис Валерьянович, вы кого имеете в виду, клиента или Косолапова? – весело спросил Филимонов.

– Разумеется, Косолапова. Зачем нам клиент?

– Нет, не придет. Я обсуждал основные направления с Германом Федоровичем, его присутствие необязательно. Герман Федорович, как вы понимаете, разрабатывает другие идеи.

«Как вы понимаете», показалось Тетюрину, произнесено было не без доли иронии.

– К тому же, – подхватил Жорж, – его нет в городе.

– Ну, об этом я даже излишним считаю напоминать вам, – произнес Филимонов серьезно. – Итак. Что сказать о нашем клиенте? О кандидатах или хорошее или ничего.

Почему-то все засмеялись (кроме Тетюрина – он еще не понимал многих тонкостей...).

– И все-таки, – сказал Филимонов, – есть один плюс – это фамилия. Богатырев. Фамилия на редкость удачная.

– С актером Богатыревым никак не коррелирует? – спросил Борис Валерьянович.

– Никаким боком. Вот Даня, художник, прошу, он набросал эскиз... Покажи, Даня.

– Ну, это так... вариант... богатырь... на коне... – Даня раскладывал на столе рисунки. Началось обсуждение.

– Ух ты какой... В кольчуге...

– Илья Муромец прямо...

– А смеяться не будут?

– Будут.

– По-моему, очень статично... Ну сидит на лошади, ну и что?

– Он охраняет рубеж.

– Какой рубеж?

– Последний рубеж.

– А если его на развилке изобразить, возле камня... Проблема выбора...

– При чем тут выбор? Выбирают его, а не он выбирает, он свой выбор давно уже сделал.

– Репродукции Васнецова мы, конечно, будем использовать. В любом случае. Васнецов работает на нас.

– Все-таки хочется динамики. Чтобы он головы рубил Змею Горынычу.

– Вот! Это идея!

– А что скажут зеленые? (Шутка.)

– А не страшно Горыныча? Ведь он герой анекдотов...

– Илья Муромец – тоже герой.

– Лапидарности, больше лапидарности! Без излишеств.

– Пусть одну голову отрубает.

– А что, если не сам богатырь, а только его рука – с мечом...

– И рубит голову?...

– Что-нибудь вроде.

– Турция какая-то...

– Нет, не сабля, а меч, меч...

– Просто меч и отрубленная голова. Без руки.

– А сам-то где?

– Пошел отрубать другие.
– А меч оставил?
– Давайте без головы. Просто меч, а на нем девиз.
– Сочиняем девиз.
– Не надо девиз. Пишем название блока: «Справедливость и сила».
– Хорошо: «Справедливость и сила».
– Слушайте, кто-нибудь пил водку «Богатырскую»? Там на этикетке знаете что? Думаете, богатырь? Ничего подробного! Композитор Бородин! На фоне нот! По-моему, очень тонкий ход.

– Это из другой оперы. Нам не нужен тонкий ход, нам нужен грубый ход.
– Рита, возьми на заметку. «Богатырскую симфонию» надо обязательно раздобыть где-нибудь. Пригодится.

– Ну так сколько голов, я не понял?
– Вариант с головой, вариант без головы и вариант с двумя головами, я имею в виду с отрубленной головой и головой самого богатыря, в шлеме.

– Все ли поймут, с кем он борется?

– Как это с кем...

– Наверное, с мафией.

– Нет, мы для себя должны точно решить, иначе не поймут другие.

– Не только с мафией. Со всеми, кто мешает жить.

– Жить по-человечески!

– Я думаю, на данном этапе уточнять не обязательно. Он просто борец, у него бойцовский характер. Фамилия обязывает. Богатырев. Богатырь. Тут важно не с кем он борется, а во имя чего. Во имя интересов своих избирателей.

– Тем не менее, Георгий Михайлыч, составь список, пожалуйста, – против чего Богатырев борется. Должен быть у каждого под рукой, может в любой момент пригодиться. И за что.

– За правду.

– За правду. За справедливость. За... за равноправие между полами...

Филимонов отмечал в блокноте удовлетворенно.

– Хорошо. Работа на образ богатыря. Это забито. Сила, решительность, защита обездоленных, справедливость... Забит богатырь? – спросил Филимонов.

– Забит, забит, – согласились присутствующие.

– Второе направление – новизна. Никто не знает Богатырева, обратим это в плюс. Новое время – новые люди. Верить нельзя никому. Все по уши в дерьме. Он чист. Он один не запачкался. Третье. Косолапов предлагает: порядочность. – Филимонов посмотрел на Тетюрину. – Ну, Витя, дерзай.

– Поконкретнее можно?

– Текст! От тебя требуются стильные тексты!

– Помню, в Красноярске, – сказал Борис Валерьянович, повернувшись на стуле к Тетюрину, – мы удачно отработывали понятие пробитократия. Вы, конечно, знаете, что такое пробитократия?

Тетюрин, к своему стыду, не знал почему-то.

– Власть порядочных, – сказал Борис Валерьянович. – Покумекайте. Может быть, пригодится.

Собрание еще долго обсуждало порядочность Богатырева. Порядочность одобряли. С оригинальной классификацией всевозможных порядочностей знакомил коллег Борис Валерьянович Кукин, он еще в Красноярске разработал теорию. Тетюрин больше не слушал ученого мужа, Тетюрин думал о пробитократии – вот какое зерно упало на благодатную почву, – дымовод вдохновения расчищался в Тетюрине, идея порядочного Богатырева обретала черты высо-

кой утопии. Нельзя прожигать жизнь, надо работать, работать, работать, работать! Спать он ляжет нескоро, ведь он выспался. Наконец-то Тетюрин устроен. № 432, сносный вполне, пускай и не президентский люкс, принадлежит законно Тетюрину. Через двадцать минут он получит аванс – 150 баксов, а также пачку бумаги, ручку и карандаш, коробку скрепок и набор фломастеров. Договор, который подпишет Тетюрин, будет темен, замысловат и богат общими фразами; лишь два пункта отличаются вразумительностью: нельзя выводить из строя компьютеры и нельзя разглашать служебные тайны.

Глава вторая

1

С первыми лучами солнца на широкий Троицкий проспект выезжает поливальная машина с красным бампером. На обеих сторонах приплюснутой цистерны броская надпись: «ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО». Мало кто в столь раннее время выходит из дома, а потому и под обаяние пропаганды «честодонтов» попадают немногие: дворники, деловито размахивающие метлами, да стрелки вневедомственной охраны, спешащие сменить отдежуривших ночь товарищей.

Вот и Тетюрин, перепутавший день с ночью, оживил собою безлюдную в этот час местность; обойдя выдвинутое, как ящик стола, здание Администрации, он повернул в городской парк. Он гулял перед сном после праведных ночных трудов, жадно вдыхал холодный утренний воздух. Он шел к реке – на звук пароходного гудка и на просвет между деревьями.

Тетюрин уже установил истину. Он уже знал, где он.

Имя городу было Т-ск.

Раньше город назывался иначе. Тетюрин знал как.

Он не знал только (забыл!) имя реки.

Волга? Ока? Днепр? Дон?

Он забыл географию.

2

Анастасия Степановна Несоева, член политсовета движения «Справедливость», кандидат от блока «Справедливость и сила», справедливая, сильная, стильная женщина средних лет, ехала на своем серебристом «форде» ни свет ни заря.

Путь ее лежал мимо Синего Дома. Очаровательный новодел, действительно синий, с участком земли, к нему относящимся, принадлежит, как знает любой в Т-ске, компании «Алекс». Один из бывших мужей Анастасии Степановны когда-то был совладельцем компании. Был да сплыл. Теперь «Алекс», по слухам, финансирует «Справедливость и силу». Отвечают ли слухи действительности, знает Несоева, но не скажет.

Она попросила помедленнее, водитель сбросил скорость. В левом крыле здания размещается, по юмористическому определению Несоевой, постоянный двор; Анастасия Степановна глядела на окна, нет ли света на третьем. На третьем не было, а у Никитича на первом был.

– Стой, – сказала водителю, – дай назад.

Водитель совершил нехитрый маневр.

Увидев из окна подъезжающий «форд», Никитич поспешил на входе встретить Несоеву.

– Здравия желаю, Анастасия Степановна!

– Рыбок кормишь? – спросила Несоева.

– В данный момент кофий пью, – рапортовал Никитич. – Милости просим.

– Я на секунду.

Не хотела с ним на лестнице разговаривать – вошла в комнату: Никитич и в самом деле кофе пил, орешки в шоколаде лежали на блюдечке. В комнате у него пахло рябиной.

– Спит? – спросила Несоева, показав пальцем вверх.

– Наш-то? А как же! Они поздно встают.

– Ни на что не жалуется? – спросила Несоева.

– Никак нет.

– Будешь ерничать – в лоб дам.

Взяла орешек, в рот положила.

Он служил охранником еще ее первому мужу. После того как в плечо пуля попала, стала сохнуть рука. Правая. Теперь Никитич работает аквариумистом. Здесь и живет. Аквариумов немного, всего четыре, включая его собственный. Он и помимо аквариумов следит за порядком, а также руководит кастеляншей.

– Может, ему что-нибудь надо? – продолжала допытываться Анастасия Степановна. – Ты не спрашивал?

– Надо будет – сами попросят.

Несоева дала в лоб. Не сильно.

– Да я что! Я их и не вижу почти что! – тем же тоном отвечал Никитич. – Тихие больно. Нет они там или есть?

Слыл хохмачом в молодости. И в зрелом возрасте все хохмил. Дохохмился. Несоева знала: если Никитичу сказать: «Я не барыня», – он воскликнет: «Вы круче барыни, Анастасия Степановна!»

– Подожди, – насторожилась Несоева. – Он там или нет?

– Сказали, что нет.

– Сказал, что нет? Кому сказал?

– Мне сказали, что нет.

– А сам, значит, есть?

– Сами есть.

– Ну смотри у меня, – Несоева вышла.

Никитич, стоя у окна, ждал, когда «форд» отъедет. Потом сел за стол.

Он знал, что Косолапов есть.

Он знал также, что некоторые считали, что Косолапова нет.

Но так думали те, кто плохо знал Косолапова.

3

«Первый блин комом», – читалось на лице Бориса Валерьяновича Кукина.

– Вам не нравится? – спросил Филимонов раздраженно.

– Нет, почему же, сразу видно, профессионал работал.

– Вижу, не нравится.

– В отношении идеологии претензий нет. Когда я вчера говорил о порядочности, я подразумевал почти тоже самое. «Добровластие» вы сами придумали? – спросил Кукин Тетюрина.

Красноглазый Тетюрин, заспанный и опухший, ответил:

– Сам.

(Он придумал сам это красивое слово. Сам или нет? Нет, кажется, сам.)

– Но что мне не нравится, – сказал Кукин, – так это длина фразы. Надо короче.

– Но экспрессия, мощь... – возражал Филимонов. – И это при том, что написано от лица женщины...

– Ну и что?

– Как что? От лица женщины, а не мужчины!

– При чем тут женщина?

– Но мощь... но экспрессия... – Филимонов уже пожалел, что похвастался творением своего протеже.

– Я и говорю, лексика безукоризненная, но длина фразы никуда не годится, – Кукин прямо глядел Тетюрину в глаза. – Если вы, конечно, не роман пишете.

Взгляд Бориса Валерьяновича корреспондировал: «Меня слушайте, этот ничего не понимает».

– Ритм! Здесь есть ритм! – завелся Филимонов; он цитировал: – «Все. Кто же не хочет порядка? Все хотят». Где тут длинная фраза?

– Начало очень хорошее, – обращаясь к Тетюрину, произнес Борис Валерьянович тихим голосом. – Но послушайте сами, – и он стал читать голосом громким: – «С нашей пассивностью, с нашим нежеланием замечать очевидное, с нашим тотальным неверием в собственные силы, в то, что все еще можно изменить, исправить, и вместе с тем с нашей ребяческой зачарованностью цирковыми раскрутками...» Слушайте, – прервал себя Кукин, – это недопустимо!

– Фраза разжимается, как пружина, – сказал Филимонов.

– Я уже не говорю о придаточных предложениях, – произнес Кукин.

– Мне нравится фраза Тетюрина! – сказал Филимонов, равно сильно ударяя на каждое слово.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть... – Борис Валерьянович считал слова.

– Я шесть лет работал редактором, – сказал Филимонов, – в издательстве! Я чувствую речь.

Борис Валерьянович хотел было ответить Филимонову, наверное: я семь лет работаю на кафедре конфликтологии! – но, посмотрев на Филимонова, сдержался.

– Видите ли, – снова обращаясь к Тетюрину, произнес Борис Валерьянович, – есть определенные законы восприятия печатного текста. Может быть, вы не знали, но в нашем деле это надо учитывать, сумма среднего числа слов в предложении и среднего числа слов длиной не менее трех слогов должна быть минимальной; обычно мы умножаем эту сумму на ноль целых четыре десятых...

– Пойдем отсюда.

Филимонов вышел первым, Тетюрин – следом (не забыв поблагодарить – он человек вежливый...).

Борис Валерьянович вывел текст на дисплей. Среднее количество слов в предложении – 7,7. Символов в слове – 5,1. Уровень образования – 3,4. Благозвучие – 90,4.

Борис Валерьянович обдумывал результат анализа текста.

– Теоретик сраный, – ругался Филимонов, когда спускались по лестнице. – Погуляй. Отвезу Косолапову. Он поймет.

4

ВСЕ ХОТЯТ ПОРЯДКА

Все.

Кто же не хочет порядка?

Все хотят.

А если бы еще и кандидат был человек порядочный...

Ну да, размечтались...

Это там, на Западе, есть такое слово «пробитократия», означает оно «власть порядочных людей». На русский слух звучит диковинно. Я бы перевела «добровластие». Только не знаю, приживется ли?

Одни скажут: порядочный человек в политику не пойдет. Другие поправят: не пустят.

А кто же не пустит, если не мы сами? С нашей пассивностью, с нашим нежеланием замечать очевидное, с нашим тотальным неверием в собственные силы, в то, что все еще можно изменить, исправить, и вместе с тем с нашей ребяческой зачарованностью цирковыми раскрутками тех, кого нам, недотепам, в очередной раз навязывают.

Ну не читаем программы, не ходим на встречи, но хотя бы всмотреться в лицо, вслушаться в голос!.. Хотя бы понять, умеет ли он улыбаться... Увидеть глаза. Разглядеть человека. В конце концов, повторить про себя имя, фамилию (что совсем не пустяк: что ни политик у нас – фамилия словно из Гоголя!..)

Вера Васильевна Власова, инженер-радиотехник (больше года уже не работает по специальности) и ее отец Борис Тимофеевич (пенсионер, диабетик, в прошлом преподаватель русского языка), еще вчера говорили, что никому и ни во что не верят. Сегодня они произносят имя:

– Богатырев.

Богатырев не знаменит, но его знают.

Знают: Богатырев – это тот, кто доводит дело всегда до конца, будь то..... (то самое, помните?) или посильная житейская помощь по конкретным..... адресам. И когда..... опять..... мы добрым словом вспомним тоже Богатырева.

А знаете, что говорит Богатырев, когда дело сделано?

Он говорит:

– Порядок.

Ольга Жур,

библиотекарь

– Ну а подпись внизу, это я сам поставил, – сказал Филимонов.

Они сидели в баре на Кирпичной, 4 – перед каждым кружка темного пива. Филимонов почти влюбленно глядел на читающего Косолапова – как он читал! А читал он монументально. Не читал, не перечитывал, а вчитывался, перевчитывался! Так читал Косолапов. По третьему разу.

Внешность у него выразительная. Невысокий, худой, правильной – тощий, он обладает большим выпуклым лбом, пересеченным тремя волнистыми морщинами и плавно переходя-

щим по верхним краям в две продолговатые пролысины, впрочем, не мешающие Косолапову носить длинные волосы, которые он собирает, к удивлению многих, в косичку; лопаткообразная, будто бы не своя борода, рост которой, можно подумать, подчиняется какому-то тайному замыслу (тогда как на самом деле она истинно дикорастущая), решительно украшает лицо Косолапова закономерно снизу; ну, а посередине лица присутствует, как водится, нос, в конкретном случае – греческий.

Он больше похож на бродячего проповедника или городского сумасшедшего, чем на модного политтехнолога. Впечатление усугубляет манера Косолапова одеваться как-то не по-людски, не по правилам, не по имиджмейкерской науке – и как будто без вызова, без преднамеренности. Он и мысли, казалось, не может допустить, что способен кто-то о нем вообще подумать что-либо.

Филимонов смотрел на него и думал: «Косолапов хитер».

«Косолапов как миф» статья называлась в ежегоднике «Факты».

Ни мифом, ни выдумкой, ни фантомом, ни мозговой игрой, ни виртуальным объектом он не был. Косолапов был во плоти. Филимонов хорошо изучил Косолапова.

Сколько же можно, однако, читать? Наизусть, что ли, учит?

Вот: не отрываясь от текста, потрогал косичку, словно проверил, на месте ли. Ну куда ж без нее! На иных представителей региональных элит косичка эта просто оторопь наводила, потому что не должен быть таким уважающий себя политтехнолог, с косичкой, – каким угодно, но без косички! Разве можно давать под косичку?

Можно. Давали.

После того как он провел в губернаторы подряд в двух городах почти аутсайдеров – одного своего на Алтае, другого своего в Сибири, – акции Косолапова выросли до необычайности.

Теперь он сам выбирает, у кого брать и на кого работать.

Боятся, что не возьмет, не возьмется. Не за всякое брался. Со своим артистизмом.

Некоторых забавляла фамилия Косолапов – уж очень она имиджмейкерская. Тетюрин тоже вчера веселился. «Да у них у всех такие фамилии, – оправдывался Филимонов. – А Мясо-едов? А Родимчик? А Криворотов, не слышал?... имиджмейкер – и ничего!.. А в других областях? А чемпион мира по фехтованию Кровопусков?... А прокурор Веревкин?... А Харон?... мы с Косолаповым печень у Харона подлечиваем... Как тебе нравится: доктор Харон?»

Филимонов привык защищать фамилию Косолапов.

Вот, положил бумажку на стол. Ждем, что скажет. Оба поднесли кружки к губам. Отпив, Косолапов произнес хорошее слово:

– Вменяемо.

Негромкая психоделика текла из динамиков.

– Еще бы, – помолчав, сказал Филимонов. – Лучший мой автор, я его не редактировал никогда. Если пишет Тетюрин, можно сразу в набор. Лишь бы объем подходил.

– Только это... сказал Косолапов. – Она что, приемная дочь?

– Кто? Чья? – не понял Филимонов.

– Ну эта... Вера Васильевна, инженер. У нее отец Борис Тимофеевич.

Филимонов по-прежнему не врубался.

– Если Васильевна, – терпеливо объяснял Косолапов, – значит, отец не может быть Борисом.

Пораженный внимательностью босса Филимонов уставился в текст.

– Или может? – скорее себя, чем Филимонова, спросил Косолапов.

– Исправим! – пообещал Филимонов.

– А не надо. Так даже лучше. Есть в этом что-то иррациональное. Нет, вменяемо. Вполне. Ничего.

Последние слова Косолапов произносил, опустив веки, словно обозревал внутренним взором своим всю глубину семейной драмы Веры Васильевны и Бориса Тимофеевича.

Открыл глаза:

– И что же он тебе писал? – поинтересовался Косолапов.

– Тетюрин? А всякое. Женский роман лепил по подстрочнику. Детектив одному бандюку переписывал... Что-то еще, вспомнить надо...

– Нет, действительно – школа, сразу видно.

– А ты боялся, – расцвел Филимонов.

– Я же не знал, кого ты привез... Только подпись... «Жур»... Ничего?

– Нормально, нормально!

– И это: «библиотекарь»... – Косолапов мину скосил.

– Заменяем, – бодро сказал Филимонов. – Сделаем режиссером народного театра.

– Лучше на медицинского работника замени. На педиатра, нет?

– Перебор. Там в тексте диабетик есть...

– Ладно, сами решайте. Загружай. Все, что напишет, используем. Ты читал рассказ Л. Пантелеева «Честное слово»?

– ?

– Детский рассказ. Надо прочесть. Классика наша... – Косолапов позвал официантку и попросил еще по кружке пива.

Филимонов приготовился слушать.

– Дети играли в войну, – пересказывал Косолапов, – мальчика поставили охранять объект, уже не помню какой, штаб, или склад, или знамя... Он дал честное слово, что не уйдет. И стоит, охраняет. Товарищи перестали играть, разошлись по домам, а ему не сказали. А он стоит, охраняет. Ночь наступила, а он не уходит, потому что дал честное слово. Он понимает, что игра закончилась, что все разошлись по домам, что он всеми забыт, но не может уйти, потому что дал честное слово.

Филимонов кивнул.

– Точно такая же история произошла с моим старшим братом. Он тоже стоял на таком же посту, дав честное слово. Но в его случае все осложнялось тем, что в город уехали наши родители по какому-то срочному делу, а дома лежала больная бабушка, и ей по часам полагалось лекарство. Мой брат не мог покинуть пост, потому что дал честное слово, но он знал, что должен в девять часов дать лекарство, и терзался, не зная, как поступить. В итоге он сдержал честное слово. Наша бабушка умерла.

Филимонов кивнул повторно.

Хотя и не понял, к чему рассказана притча.

– Музыкой навеяло? – спросил Филимонов.

– Тетюрин... странная фамилия, – сказал Косолапов, свернув лист бумаги кулечком.

– Вроде моей, – сказал Филимонов.

– Хорошо. Как-нибудь познакомишь.

5

Лишь на исходе второго дня своего пребывания в Т-ске Виктор Тетюрин решился позвонить на родину.

– Привет.

– Тетюрин, ты где? ты уехал на дачу? – Санкт-Петербург тревожно вопрошал Катиным голосом.

Который год приучает себя не переспрашивать...

– На дачу? – переспросил Тетюрин.

Привычка гнать листаж посредством растягивания диалогов.

– Я тебя два дня разыскиваю, почему ты не позвонил?

– Звоню, – Тетюрин сказал.

– Ты живой? – Катя спросила.

– Более чем, – бодро ответил Тетюрин.

– Я рада за тебя, – сказала Катя безрадостно.

Молчание.

– Слушай, – Тетюрин сказал.

– Я слушаю.

– Ты думаешь, я где? А я знаешь куда уехал, ты удивишься, я знаешь где? – И он сказал где.

Катя не удивилась.

Тетюрин пустился в объяснения, но, столкнувшись с потусторонним безмолвием, тревожно аллокнул. («Филофей испуганно тпрукнул...» – ну-ка, ну-ка, кто так сказал?)

– Алло, – повторил Тетюрин. (Иван Сергеевич Тургенев. «Записки охотника».)

– Я ждала, – наконец-то Катя сказала. – А ты даже не позвонил.

Даже не позвонил... Ой-йоой, вспомнил Тетюрин. Вчера два года их близости. Знакомства и близости. Дата. Она придает значение датам. Когда был год, они ездили на Вуоксу: мыс Гремучий, рыба, палатка. Только не говори про условности. Тетюрин прикусил язык.

– Так я и звоню.

– У меня с понедельника отпуск, – Катя сказала, – и что? Поеду одна?

– Но ты ведь все равно собиралась к отцу... – сказал Тетюрин.

– Без тебя?

– Здравсьте-приехали. На Алтай? Я еще не заработал...

– Ты даже меня не проводишь?...

– Ну, теперь, конечно, не провожу...

– Тетюрин, – сказала Катя и произнесла фразу, он знал откуда: – Ты от меня просто сбежал.

Чужая история. К нему отношения не имеет.

– С ума сошла? – спросил Тетюрин.

В кои-то веки появилась работа – настоящая, творческая, высокооплачиваемая...

– Просто сбежал, – подчеркнуто просто сказала Катя.

Ей шла простота; шла – как белые носки, кроссовки, желтые шорты, футболка, – и, моргнув, представил другое: черное вечернее платье – «маленькое», как сказано в каталоге, – без рукавов и аксессуаров – и голые светящиеся на черном гибкие тонкие руки, это когда он взял и нажрался на той презентации. Почему он должен от нее сбежать? Западает на всякие... хокку; даже в ссорах-разборках тяготеет к минимализму, разрешая Тетюрину кипятиться и краснобайничать, тогда как сама ограничивается холодными и убийственными формулировками. Так разговаривает, словно знает о Тетюрине больше, чем сам о себе Тетюрин.

– Я вчера встретила Ревякиных...

Вот, без всякого перехода, – на кой черт ему про встречу с Ревякиными, тем более сейчас, когда «просто сбежал»?... Ревякины, буднично рассказывает Катерина, переехали на новую квартиру, теперь у них три комнаты. Эта квартира, узнает новость Тетюрин, принадлежала специалисту, каких во всем мире всего пятеро, – по лишайникам, а еще он занимается грибами, на лишайниках произрастающими, и в этой области на нашем полушарии он единственный.

– Как я у тебя, – острит Тетюрин, претендуя на причастность к рассказу; дерзость, конечно, – сидел бы; он достоин того, чего заслужил – никчемной побасенки без глубины и значения.

Если что и было в подтексте – так ничего не было: «так что вот, Тетюрин», – и не более чем. Просто «просто сбежал» принято к сведению Катенькой, тема закрыта. А Ревякины сами увлеклись лишайниками, говорят, неведомый мир. Ровный, с печалинкой голос. Уж лучше бы гадость сказала какую.

Тетюрин слушал про далеких Ревякиных и глуповато поддакивал, обозначая присутствие.

Претерпевая бремя философического – к себе – отношения, Тетюрин ощущал себя поросенком.

Хрю-хрю.

Ночью будет в ушах стоять голос Катеньки, три дня не вспоминал который.

Ему захотелось сказать:

«Давай поженимся».

Но у кого так роман назывался?...

У Апдайка?

И он промолчал.

– Ну ладно, – внезапно прервала Катя свой внезапный рассказ.

Тетюрин увидел себя, себя со стороны видящим, и отвернулся от зеркала. За окном начался дождь.

«А ведь ты не любишь меня», – молчала Катя.

«Не говори глупости», – молчал Тетюрин.

Он сказал:

– Я тебе позвоню, хорошо?

– Хорошо.

Вежливо попрощались.

Глава третья

1

Третье по счету здешнее утро Тетюрин пришел посвятить в номер 420 общению с Ритой. Не получилось.

Через минуту пришли Кукин и Филимонов, ощущение возникло толпы.

Кукин запел, по обычаю, Лазаря – о новой идее – концептуальной, ночью его опять осенило. Вот и кофейник созрел. Пили кофе совместно. Рита красила губы.

Потом в штаб заявился некий тип с бакенбардами, озадачен он был мониторингом, принес газетные вырезки; не уходил, надлежало зачем-то размножить – в двух или трех экземплярах; он размножал. Рита ушла в туалет, такая подробность. С бакенбардами снимал ксерокопии. Кукин вещал. Филимонов млея у окна, подставив солнцу лицо. Тетюрин скучал. Рита вернулась – опять за компьютер.

Ксерокопия, подумал Тетюрин, увлеченный темой *энергия слова*, будет когда-нибудь так же звучать, как сегодня для нашего уха дагерротип. Он полагал, дагерротип «для нашего уха» звучит романтически. Как бакенбарды.

Заметил: не нужен здесь никому мониторинг. Вот Колян («Приятного аппетита...»). Взял заметку – брезгливо отбросил.

– Кончилась бумага, – сказал с бакенбардами, вопросительно посмотрев на Филимонова.

– Ладно, хватит, – Филимонов сказал.

Тот сложил в стопку, что было.

Филимонов достал пачку денег, вынул пару бумажек лениво, протянул, не глядя кому. Тот сказал, уходя:

– До свиданья (...и взяв).

– ...из чего следует, что действительность и реальность далеко не синонимы, – закончил Борис Валерьянович последнюю мысль, за которой никто, однако же, не следил.

Борис Валерьянович Кукин ждал вопросов.

Тихий ли ангел пролетел, милиционер ли родился – молчали.

Не хотелось работать. Въезжать.

Утро есть утро.

Тетюрин рассеянно просматривал принесенные вырезки. Сверху лежало о конкурентах. Вот Каркар делится рецептом приготовления супа из яблок с рисовыми клецками. Вот отчет о посещении Шутилиным водозаборной станции. «Монолиты» с лопатами – групповой портрет представителей блока «Монолит» на воскреснике: саду цвель!.. Ниже о наших. Богатырев рассматривает кольчугу в краеведческом музее, сейчас примерит. Обаяшечка Жанна, дочь Несоевой – улыбка: рот до ушей – повествует о маме. Конкурс анаграмм, тур третий. Ничего особенного: спаниель – апельсин; «все на перестановку букв!» – победителей ждет приз, изобретайте анаграммы.

– Зачем? – Тетюрин протянул листок Филимонову.

– Велено, – зевнув, ответил Филимонов.

Слово «велено» в его устах означало «велено Косолаповым».

Тетюрин так и не понял, зачем вырезать анаграммы, присланные читателями.

– А кто такой политолог Самсонов?

– Ну есть тут один, – сказал Колян, хрустя печеньем, – неясной ориентации.

– На Шутилина работает, – сказал Кукин.

– Нет, – возразил Колян, – Шутилина он тоже мочит.

– Чья-то маска, короче, – сказал Филимонов.

Тетюрин отметил:

– С чувством написано. (Он пробежал глазами колонку – интервью – политолог Самсонов рекомендован как автор пособия «За кого не надо голосовать».)

– В отношении суггестии, – произнес Кукин, – очень похоже по стилю на вас.

– «Опустив очи долу», – прочитал Тетюрин. – Знал я одного, любил «очи долу».

Тетюрин задумался. Это Костя Негожин любил, его сокурсник и даже, если вспомнить, соавтор одного выступления в некоем журнальчике. В их тогдашней двустолбчатой компании Негожин слыл за оригинала. Стиль у него был отменный, но он зло употреблял архаизмами. Именно над «очами долу» негожинскими, помнил Тетюрин, иронизировали года четыре назад на семинаре в Нижнем Новгороде, куда занесло их всех (т. е. некоторых) по непостижимой логике какого-то невразумительного проекта, щедро оплаченного добрым дедушкой Соросом. Негожин и там отличился: потерял чемодан, ему скидывались на дорогу. С тех пор о Негожине ни слуху ни духу.

Но построение фразы – очень похоже. И пафос.

Было бы слишком невероятно, если бы Негожин здесь пахал на Шутилина. Или против Шутилина – здесь бы – пахал.

Тетюрин взялся читать другую колонку, и тут произошло событие: Жорж появился. (Нет, конечно: событие – раньше, а Жоржев приход был только откликом...)

– Кофий пьете? – входя решительно в штаб и торжественно, во весь голос: – Начало Каркара!

2

Все напрялись. Жорж не торопился рассказывать; он медленно подошел к столу, взял графин и прямо из горлышка стал пить воду. Вода была желтоватой, с неаппетитным ржавым осадком, – что уж там придавало ей желтизну – хлориды ли какие-нибудь, гидрокарбонаты ли, или же биологически активные компоненты вроде йода и железа, Тетюрин, конечно, не знал, но все здесь эту воду считали целебной, да и вообще эти края славились минеральной водой; во всяком случае, в штабе всегда стоял графин с желтоватой жидкостью, и любой желающий мог эту целебную воду пить.

Понятно, что наслаждался Жорж не столько водой, сколько производимым эффектом.

– Ну и как же он начал? – не выдержал Филимонов. – Взорвал себе сауну? Проколол себе шины?

– Хуже! Собаку ухлопал! Свою!

Кукин крикнул. Риторически как бы. Мол, а я что говорил?!

Вот что случилось. Полчаса назад – только что! – на этого мудака Каркара было совершено якобы покушение! Он вышел на набережную вместе с собакой. Четыре пули из проезжающего автомобиля. Три попали в собаку. Собаку наповал. Каркар невредим. Интервью раздает.

– Свидетелей нет, конечно? – спросил Колян.

– Свидетеля убили.

– Так все-таки убили кого-то?

– Я же говорю, собаку!

Филимонов побагровел и ударил кулаком по столу:

– Ссука!.. у-у, ссука!

Филимонов любил собак, все это знали. В Москве у него на попечении жены остался бобтейл.

– Ты чего? – спросил Тетюрин, пораженный реакцией Филимонова еще больше, чем самим происшествием.

– Гречиха сука, собаку не пожалел!

– Гречихин, – пояснил Колян, – мордодел Каркара, концептуалист блока «Честь и достоинство».

Борис Валерьянович поинтересовался породой пса. Жорж точно не знал:

– Не то сенбернар, не то доберман...

– Сенбернар, наверное, – предположил Кукин. – Народ сенбернаров больше жалеет.

– Суки, какие суки! – качал головой Филимонов, – Сенбернара, скоты!..

Позвонили в подконтрольные Косолапову «Ведомости», там ждали корреспондента с места события; еще не приехал, но общая картина уже прояснилась: определенно, стреляли в Каркара, его защитила собака.

– Ах, собака его защитила!

– А что, – оживился Колян, – хорошо работают. Представьте только, фотография на первой полосе. «Он спас Каркара». Каркар и Гавгав.

– Не надо шутить, – сурово произнес Филимонов. – Я, конечно, циник и мизантроп, но всему есть пределы.

– Если иметь в виду осознанное управление возможностями, – рассуждал Борис Валерьянович Кукин, – было бы эффективнее собаку не убивать, а только ранить. Ее бы лечили, публиковали бы бюллетени о состоянии здоровья. За три дня до выборов она бы умерла.

– Перестаньте, – попросил Филимонов.

Рита заплакала.

3

Косолапов спускался по лестнице, когда в Синий Дом ворвалась Несоева.

– Я не хотела по телефону, вы понимаете, что во всем обвинят меня? Я основной конкурент Каркара!

– Вы вне конкуренции, Анастасия Степановна, – сказал Косолапов.

– Но обвинят меня. Что я его заказала!

– Насколько мне известно, уже обвинили «монолитов» и лично Шутилина. Шутилин считает себя оклеветанным. Обещал подать в суд.

– Но он не из нашего округа!

– А что касается вас, я думаю, как раз бы не помешал слушок, что вы его лично... пых, пых!

– Как? Как вы сказали?

– Слух! Только слух! Все сразу поймут, что этот нелепый слух пустили люди Каркара.

– Что вы, не надо, – испугалась Несоева.

– Отчего же не надо? Эту версию следовало бы поддержать. Я бы никогда так не назвал блок – «Справедливость и сила», но раз вы самоназвались без моего участия, пусть так и будет: справедливость и сила. Не только справедливость, но и сила.

– Вы с ума сошли!

– Справедливость и сила, – повторил Косолапов.

Чем ему не нравилось название? Да тем, что не выдерживало элементарной проверки на дразнилозащищенность. И дураку понятно, что, изобретая имя движению, необходимо исследовать, как это имя издевательски сократят враги и какую вообще гадость из него можно выудить. Неужели не видели, когда придумывали, что «Справедливость и силу» будут сокращенно называть СС, а членов блока и адептов движения – эсэсовцами? Так и получилось. Правда, для молодежи слово «эсэсовец» – пустой звук, поэтому противники «Справедливости и силы», апеллируя к молодым, не отягощенным исторической культурой мозгам, больше пользуются образованиями «сись», «сиси» и, главным образом, «сиська». «Сиська» уже вытесняет «эсэсовцев». На заборах, на стенах домов – пишут везде: «сиська», «сиська», «сиська»... «Сиська» – и все. Весь город в «сиськах». (Обстоятельство, которое, между прочим, поражает приезжих: если в иных местах на заборах пишут названия первичных половых признаков, то здесь определенно вторичного – «сиська»!) Потому что «сиська», именно «сиська», – это еще и намек на видную роль женщины в руководстве «Справедливости и силы». Недаром в качестве контрпропаганды люди Гречихина понарасклеивали издевательских листовок «Голосуйте за сисиську!» Читай: только полный кретин отдаст свой голос за г-жу Несоеву.

Вот что значит не продумать название.

Теперь необходимо переломить тенденцию.

– Вы мимо парка поедете? Подкиньте.

Залезая в машину, спросил:

– А почему вы без охраны, Анастасия Степановна?

– А вы?

– Боюсь, – ушел от ответа Герман Федорович, – эти выборы будут проходить в атмосфере террора.

Когда ехали в гору, по Новокузнецкому переулку, Косолапов заговорил о семье.

– Как поживает ваша дочь? Акклиматизировалась ли? – спросил он отчетливо, непри-
нужденно артикулируя каждый слог.

– Я ее совсем не вижу, – сказала Несоева. – Два года не видела и опять не вижу. Не могу вам сказать, как она поживает.

– У нее красивое имя – Жанна.

– Это муж настоял, я хотела Аннушку. Если б меня звали Жанна, вы бы сделали из меня Жанну д'Арк.

– Обязательно.

Остановились у светофора. Тинейджеры беспризорного вида, перебегая от машины к машине, раздавали свежий номер «Живой воды».

Несоева взяла посмотреть и тут же наткнулась на:

– Здесь о Шутилине!

– Оперативно работаем, – сказал Косолапов, – вчера в голове, сегодня в газете.

Шутилин был действующим законоположником, на этих элекциях ему требовалось подтвердить свой статут.

– *Слова сочувствия*, – прочитала вслух заголовок Несоева.

«Слышали? Шутилин-то наш третий срок схлопотать готов!..»

«Так ведь он уже два отсидел!»

«Два отсидел и еще, говорит, пять отсижу. Чем с вами у холодных батарей мерзнуть да в троллейбусах толкаться, уж лучше здесь».

«А где ж он сидит-то?»

«Да в каком-то Доме Собраний».

«Знаю, знаю, хорошее место. Там и кормят что надо, и даже топят зимой.

Опять же комиссии... Грамоту знает – при библиотеке устроится».

Анастасия Степановна захохотала.

– Новенький, – сказал Косолапов, довольный. – Между прочим, писатель. Из Петербурга.

На вас обе столицы работают.

– Писатель? А как фамилия?

– Ту... терин... Тетулин... Виктор Тетулин. Вы не знаете, он молодой, еще не раскручен.

И еще – прежде, чем вылезти из машины:

– Народ не дурак, – сказал неожиданно Косолапов.

– И это говорите вы?

– Народ не дурак. Скоро все скажут, что Каркар сам застрелил собственную собаку. И оклеветал вас.

– Мне все это очень не нравится.

– И мне не нравится. Пролилась кровь. Пускай и собачья.

4

Штурм – громко сказано; не штурм – наезд мозговой.

– Валерий Анатольевич Каркар... Ну и фамилия!.. И с такой фамилией он идет на элекции?

– Каркар... Каркар... Не еврейская... И не грузинская... Каркар...

– Они говорят, французская...

– Францией тут и не пахнет...

– Знойное африканское побережье... Каркар... Человек с копьем... Вождь людоедов...

Каркар...

– Русское кладбище...

– Они утверждают, что его прапрадед был известным во Франции экономистом, Мишель

Каркар...

– Ну еще бы!.. профессор Сорбонны!

– Александр III пригласил его к себе советником, он полюбил Россию, женился на русской дворянке, нарожал детей...

– Так он еще из дворян!..

– Естественно.

– Дети того Каркара сражались, кто на стороне красных, кто на стороне белых...

– Ну, а потомок за примирение.

– Гречиха работает. Его почерк. Любит сочинять биографии.

– Будем опровергать?

– Некогда. И незачем. Бьем по фамилии. Так, Витек, это по твоей части.

5

Когда два месяца назад в Москве три солидных молодых человека в галстуках от Версаче почтительно раскладывали перед Косолаповым кой-какие бумажки, Косолапов спрашивал – и ему отвечали. Обсуждались, в частности, персоналии. В частности, некий Богатырев. В частности, о семье, пожалуйста, рассказать попросил Косолапов:

– Пожалуйста, о семье.

(Не в значении «мафия».)

– Холостяк.

– Как холостяк? Холостяк – это плохо. Может быть, вдовец?

– Нет, он в браке не состоял.

– И детей нет?

– Не зафиксированы.

– Это неправильно. Почему не женился?

– Много работает. Поэтому.

– Плохо. Лучше б у него судимость была. В Америке никогда не изберут президентом холостяка. И тем более бездетного... Если не женат, значит, что-то не так. Холостой, тем более бездетный, может и на красную кнопку нажать. А вдруг он враг рода человеческого?...

– Мы же не президента Америки избираем...

– Так он голубой?

– Вроде нет. Голубых он не любит.

– А надо любить, надо всех любить, и голубых и неголубых...

Косолапов был толерантен и человеколюбив, этого у него не отнимешь.

Хотя больше, чем людей, он любил события.

Он не любил, когда событий не было.

Он любил инициировать события сам и придавать им значение худ. акта.

В конце концов, не человек красит событие, а событие человека.

Изучая данную персоналию, Косолапов установил: Богатырев Леонид Станиславович слывет узким специалистом по целому ряду вопросов; по другому целому ряду вопросов слывет специалистом широким. Свет в конце тоннеля отчетливо виден ему. Субъективно он способен управлять Российской Федерацией целиком, хотя и претендует объективно на относительно скромное место в городском парламенте.

Иными словами, степень влияния Богатырева на что-либо следует воспринимать с учетом аспектов – экономического, социального, медицинского и нравственного.

Короче, он – элемент сложной корпоративной системы.

Что касается внешности Богатырева, то был клиент Косолапова невысок, плешив, глаза имел серые, узкие, как щелочки для монет в игральном автомате; у него был двойной подбородок, а на подбородке, на первом, изрядной величины бородавка, вероятно, серьезно мешавшая своему хозяину бриться. Говорил он бегло, но как-то бесцветно, будто произносил заранее заученный текст, который вот-вот забудет в силу ущербной памяти, отчего производил впечатление чем-то напуганного человека.

Он производил впечатление человека, напуганного тем, что не произведет впечатление.

Он пытался казаться уверенным, решительным и мудрым общественным деятелем.

Лучше бы он этого не делал.

Познакомившись поближе, Косолапов оценил материал на три с минусом. Тем интереснее с ним было работать.

– Свежее дыхание, открытое сердце, – сказал Косолапов правой руке своей Филимонову; правая рука пожала плечами.

Коллеги в восторг не пришли:

– Мрачноват.

– Грубоват.

– Амбициозен.

– Позвольте, – спорили одни с другими, – какая может быть амбициозность с его-то данными?

Косолапов считал своим долгом по возможности окрылить членов команды. Работа предстояла творческая.

– Отлично, отлично! – убеждал Косолапов на первой же, еще московской летучке. – Отсутствие иных положительных качеств естественно замещается амбициозностью. Чему вы удивляетесь, господа? Все правильно, так быть и должно. И потом, давайте не будем обсуждать комплексы нашего клиента. Мы работаем с конкретной материей. Что имеем, с тем и работаем.

6

В день убийства собаки Каркара у Богатырева обострилась засекреченная в интересах общего дела язва желудка; он сидел за столом, разглядывая пресс-папье в виде египетской пирамиды, и с тревогой прислушивался к режам в мягком своем животе.

Секретарь не докладывал – Несоева сама вошла в кабинет, громко приветствуя Богатырева: «Гой еси, добрый молодец!»

Леонид Станиславович вобрал голову в плечи.

– Настя, – сказал Богатырев, – мне это не нравится.

– Что именно, Леня?

– Ну, что Косолапов надумал сделать со мной.

Слово «женить» Богатырев боялся выговорить.

– А ты это сказал Косолапову? – спросила Анастасия Степановна, удобно располагаясь в итальянском кресле.

– С ним невозможно разговаривать, – вымолвил Богатырев через силу и как будто поежился. – Я его, Настя, боюсь.

Признание нелегко далось Леониду Станиславовичу, он побледнел даже.

– Не хочешь быть богатырем? – удивилась Несоева.

– Ладно богатырем... Но свадьба!.. Какая свадьба, Настя? зачем?

– А зачем люди женятся, Леня?

– Ты это серьезно?... И ты туда же?... И ты?... ты?...

Богатырев вскочил с места, заходил по комнате, раздраженно поймал муху в воздухе, разжал кулак: мухи не было – не поймал.

– «Зачем женятся»!.. Если люди и женятся зачем, то меня, как понимаешь, совсем не за этим!.. (Афоризмы ему не всегда удавались.)

Несоева с трудом сдержала улыбку.

– Тебя не устраивает, что брак будет фиктивным?... что будет спектакль?

– Меня ничего не устраивает! – взвизгнул Богатырев.

– Не знаю, – пожал плечами Несоева, – на твоём бы месте я обязательно женилась...

– Так и женись!

– На своем, извини, месте могу выйти только замуж! – А про себя подумала: один: ноль, репетиция теледебатов, тренируемся на своих.

– Ему бы массовиком-затейником работать, – ворчал Богатырев. – Весь город буквы переставляет. Научил, надоумил. Конкурсы, видите ли, придумывает. Да я и не знал, что такое анаграмма... столько лет прожил!..

– Не скрипи, Леня. Скрипишь, как не знаю кто.

– Нет, все, все, зайди в общий отдел, все буквы переставляют!..

– Значит, так надо, – сказала Несоева. – Видишь, он умеет увлечь народ.

– Да ведь нас пиарить надо, нас!.. а он буквы пиарит! Не людей, а буквы! Понимаешь?

– Без буквы нет имени, – сказала Несоева.

– Это он тебя научил? А у тебя нет ощущения, что он приехал сюда лишь оттянуться, нет?

– Нет, я ему доверяю.

– Он проходит курс процедур в «Притоках». Он на нашей воде подлечиться решил.

– Так и что из того? – спросила Несоева.

– На нашем здоровье с тобой!

– Брось!

– Ну, на моем точно! – сказал Леонид Станиславович. – Шутилин начал, Каркар начал, все уже начали, одни мы не мычим не телемся!..

– Я так понимаю, Леня, у нас будет контрответ, я разговаривала с Косолаповым. Он абсолютно спокоен, уверен, и я ему доверяю. Вот увидишь, он так повернет, что Каркар будет работать на нас. О чем говорим? Пусть профессионалы занимаются нами. Ты разве что-нибудь в этом понимаешь?

– Да он просто над нами смеется.

– Леня, ты предубежден против Косолапова.

– А какого лешего из меня богатыря лепить понадобилось? – бухтел Богатырев, блуждая по кабинету.

– Всем недоволен. Вот былинку о себе в газете прочтешь, еще как понравится!

Леонид Станиславович промолчал. Текст былинки лежал у него в столе – предписывалось выучить наизусть.

7

Тетюрин входил во вкус.

Сочинение панегириков и пасквилей напоминало игру. Неслыханное удовольствие – одних восхвалять неумеренно, других жестоко мочить.

Пасквиль на Каркара придумался так легко, что Тетюрин даже не стал записывать. В лом искать ручку (которую потерял) или включать компьютер (который недавно выключил). Пусть в голове побродит-потушится. Не забудется до утра, подождет.

Ночь-однодневка, ты мотылек вечности; вместе летим на огонь скользящего окна повседневности.

Улыбнулся Тетюрин: чем нелепее текст, тем быстрее, тем легче он сочиняется. Труднее, когда с человечинкой – человеческий то есть.

Love story Богатырева на очереди. Первая встреча Богатырева со своей суженой – все идет к свадьбе. Тетюрин обязан изобрести ситуацию, смоделировать первую встречу с *ней*, по возможности универсального плана, потому как *она* на сегодняшний день пока что абстракция, претендентка не задана. В красивую, простую и трогательную воплотить историю. Чтобы эту историю прочитавший (будет опубликована) или услышавший (будет озвучена) непременно захотел пересказать ближнему, точнее, захотела бы непременно пересказать ближнему, потому что прочитавшая и услышавшая, что точнее, это женщины, женщины – на них весь расчет!.. Но и чтобы у черствых мужиков что-то там внутри тоже вот так шевельнулось – вот как должно.

Все-таки ближе к ночи он подустал. Реальный Богатырев не оставлял никаких зацепок.

Тетюрин бухнулся на кровать в одежде – от Катки ему бы влетело за это. Мысленно он услышал ее резкий голос: «А ну кыш!» Но мысленному голосу Тетюрин не подчинился.

Плакатное изображение Богатырева висело на стене. В расчете на вдохновение Тетюрин пялился на малосимпатичное лицо Леонида Станиславовича. Не вдохновляло.

Интересно, икается ли ему сейчас? Чувствует ли г-н Богатырев, что готовятся ему, грешным делом, корректировать пути провидения? Что-то все-таки есть в этом от колдовства – часть себя спроецировать на другого.

Часть... Доля... Жребий...

А поскольку не вдохновлял Богатырев Тетюрина, то и Тетюрин, глядя на Богатырева, думал уже не о Богатыреве, а сам о себе – о своей части, о своей доле, о своем жребии.

По части уличных приставаний, самовыраженческих стандартных инициатив и соответствующих репрезентаций сам-то он, строго говоря, не был мастером. Он уважал значение начальных условий, задаваемых обстоятельствами, более полагаясь на подарки судьбы, чем на вменяемость своих жестов.

Хорошо: знакомство как жанр. Тетюрин и Катя.

Фабула, она, коль скоро речь зашла об их конкретном знакомстве, не отличалась в данном конкретном случае оригинальностью. Нет, сказать, что эстетическое чувство Тетюрина как персонажа было оскорблено ходульностью сюжета, конечно, нельзя, однако кое-чему он все-таки изумлялся. Не как персонаж, а как зритель собственной драмы.

Ну ведь очень банально, нарочито банально. Через собаку. Причем с крайне банальным именем – Тим.

Пропала – нашлась. И не свою потерял Тетюрин, а собаку сестры; нашла девушка Катя.

Некоторую неповторимость целому, как им и следует, придавали детали – Тетюрин вспоминает: вы всем дверь открываете не спрашивая? – а она говорит, я же знала, что вы; и что был коридор и много дверей, и шла соседка-старушка, в халате, как тень, двумя руками держась за тарелку, перегороди ей дорогу Тетюрин – прошла бы сквозь него; а на столике около телефона лежали «Основы клинической симптоматиологии», и он сразу догадался, где она учится... А

когда он взял на руки Тима, зазвонил в комнате Кати будильник, о чем они потом часто вспоминали, потому что будильник должен был звонить, по идее, в семь утра, а не вечера...

А когда он ехал к ней в маршрутном такси (тоже ведь предзнаменование), на город неожиданно обрушился шквальный ветер, не имевший отношения к делу, – листья, пыль, мусор, бумажки, от всего этого небо стало серо-коричнево-пестрым, к лобовому стеклу прилип равный полиэтиленовый мешок, микроавтобус остановился на Большом проспекте, а длилось безобразия минут десять, не больше, потом уже у нее во дворе, когда солнце сияло и на небе ни тучки, он в числе прочих зевая лицезрел нерукотворную инсталляцию: увесистый сук ветхого тополя, килограммов на сто, а под ним покореженный капот нервно пиликающей «тойоты», кому-то не повезло. Катя, почесывая Тима за ухом, рассказывала, как он испугался, когда запахнулось окно, ворвался ветер, записки... У нее были крупные губы, грустные, как и глаза. Тетюрин слушал рассеянно. «Записки?» – представил листы бумаги, летающие по квартире: чьи? Нет, «записки» она не говорила, он убежал «за миски» – забился в угол, за миски. Их было две, пластмассовые – одна для воды, синяя, другая для пищи, красная. И круглое, смуглое от загара лицо. «Хороший, хороший», – гладила Катя. Уж очень странное лето. Парниковый эффект. Смена климата. Август – кошмар.

Два года назад. И два дня, если точно.

Два года тому назад – начнем повыше – сестра Тетюрина по имени Лена уехала в Кинешму к больному бывшему мужу; сестрин брат Виктор Тетюрин поселился в ее мастерской на Васильевском острове, он перелопачивал чужие воспоминания о холере, Астрахань, 1968, что называлось «лит. обработкой», а также поливал цветы, подменял собою автоответчик, кормил попугая Петю, знавшего слово Крым, и выводил гулять бестолкового Тима, терьера. Этим летом он расстался с волоокой причиной своих прежних безумств и вообще отчего-то со всеми ссорился; был сам по себе, анахоретствовал, то есть в иных отношениях вел себя почти примерно, однако Тим настолько был бестолков, что убежал от Тетюрина в первый же день. Терьер. О ужас. Тетюрин забыл о воспоминаниях. Он сочинял теперь, что скажет сестре. Мало веря в успех и больше думая об отчетности, Тетюрин взвинтил тираж объявлений, расклеенных им по округе, до 150. На второй день поисков (и ожиданий) раздался звонок. Девушка Катя сообщила, что песик, «кажется», у нее. Тетюрин помчался к девушке Кате. Тим оказался действительно Тимом.

Был момент, когда Тим не знал, кого выбрать – Тетюрина или ее; стоял между ними и растеряно дергался – то к нему, то к ней. Плохо ли, хорошо ли – он знал их одинаково. Что-то было уже где-то такое. Так о том и речь, что банально.

Они вышли вместе на улицу, потому что ей было жалко с Тимом прощаться – просто вот так, – и, болтая (меньше всего о собаках), они дошли до места обитания Тетюрина, он пригласил ее «к себе» в мастерскую, она сказала ему «в другой раз» и пошла домой, и тогда он и Тим проводили ее до дома, купив по дороге вина, а когда до дома дошли, он и она, решили, что все-таки лучше пойти в мастерскую.

Они часто ссорились. За два года – навсегда – отношения рвали трижды, «навсегда», однако, кончалось, они почему-то оказывались друг с другом.

Однажды Каткина подруга сказала ему, что он отхватил первую красавицу на факультете. Он сказал это Катке. «А ты не знал?» Нет, знал, конечно.

Но что главное? Детали: Катя чешет собаку за ухом, две миски, она любит собак... То на нее, то на него... – собачья растерянность.

Час усугубляющейся вины.

Добросовестно виноватый, он встал и отправился в штаб. Рита еще не спала, раскладывала компьютерные пасьянсы.

– Можно? – спросил, беря трубку, Тетюрин.

– Сколько угодно, – сказала Рита.

Набрал питерский номер.

– Привет, не спишь?

– Здравствуй, – отозвалась гулко; значит в ванной скорее всего.

– Моешься?

– Почти.

Тетюрин ухватился за «почти», радуясь невнятности ответа, и дерг, дерг, как за ниточку: мол, «почти» это как? – покатил клубок разговора в закуток бестолковости. Но у Кати не то настроение.

– Сердишься? – спросил Тетюрин.

(Тут деликатная Рита вышла из комнаты.)

– Ничуть. Ты зачем звонишь?

Вот зачем. (Якобы.)

– Расскажи мне... как твои Ревякины познакомились.

Двойная-таки провокация. Во-первых, Ревякины не «твои», а «наши», а во-вторых, что за вопрос?

Между тем вопрос закономерный. Тетюрин работает. Смешно? Он конструирует эпизод. Историю знакомства в нескольких фразах. Потом расскажет подробности. Вернее, подробности ему сейчас как раз и нужны.

– Кого знакомства и с кем... – не поняла Катя, – ...подробности?

Ага, зацепило.

– Историю знакомства будущего сенатора с его будущей женой, он холостой, но мы его женим...

– А при чем тут Ревякины?

А лишайники при чем вчерашние? Зачем она втюхивала про лишайники?

– Катюша, подскажи, пожалуйста, мне по работе историю любви сочинить надо... Ничего в голову не приходит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.